

Коньяк

Я поставил чемодан с сумкой на вылезанную дорожку военного городка и огляделся. Теплое сибирское солнце вполне по-южному пригревало, и молодой сосновый лес наполнялся вкусным маслянистым ароматом. Хотелось закрыть глаза и представить себя в рижском Скульте, и что за тем янтарным бором тихо шумит Балтийское море, и девушки в бикини прилежно подставляют тела солнцу...

Лес в Бурятии. По материалам Интернета.

Однако, это было очень далеко, а за сосновыми лесами Бурятии, среди лесистых сопек, шумел могучий Байкал. 2 августа 1981 года, отгуляв свой первый лейтенантский отпуск после выпуска, я прибыл в распоряжение Управления войсками Дальнего Востока в Улан-Удэ, которое и должно было мной «распорядиться». Окончательного назначения у меня не было, и оказаться «в распоряжении» сулило смутную надежду не попасть в отдаленный сибирский гарнизон, однако, дальневосточная Ставка «распорядилась» только Сибирью и Дальним Востоком, так что, путь мой лежал строго на восток. Ставка, построенная в 1979 году после нападения Китая на Вьетнам, даже внешне была рассчитана на ядерную войну. Сквозь сосны были видны приземистые, прочные здания, под которыми на многие километры вглубь уходили коммуникации сложной системы бункеров центра управления. Даже ажурная вышка связи, торчавшая над городком, была «сплющена» мощным ядерным взрывом: толстое, разлапистое сооружение поднималось над лесом всего метров на тридцать. Населения гарнизона не было

видно, и только иногда шустрый писаришка-солдатик из батальона обслуживания пробегал в направлении невидимых штабов.

Потеряться в образцовом военном городке было трудно: среди блаженной тишины августовской рощи вокруг двухэтажного белого здания шумел, голосил и хохотал веселый табор. Десятки молодых лейтенантов, вчерашних выпускников самых разнообразных военных училищ СССР, стояли, сидели, курили и хохотали вокруг несметного количества чемоданов, узлов и солдатских вещмешков, подаренных на память в родных ВВУЗах. Среди темнозеленых парадных мундиров и белых рубашек были видны редкие женские фигуры лейтенантских жен, которые, вслед за декабристками, последовали в глухие леса Сибири. Все стояли группами, трепались и курили, по-курсантски сдвинув фуражку на затылок, всем своим видом показывая небрежное безразличие к своей судьбе в отдаленных районах СССР, хотя подавляющее большинство молодых офицеров были выходцами из европейской части Союза.

Я был совершенно один, первый выпускник московского Военного Института, прибывший в Улан-Удэ в августе 1981 года, и мне очень хотелось к кому-то присоединиться, хотя бы, чтобы пристроить свои вещи. Лейтенантов с красным общевойсковым околышем было мало, и все они по виду были гордыми *строевиками* из общевойсковых училищ, с которыми у меня было мало общего. Вдруг в стороне я заметил разношерстную, весьма нестроевую на вид группу в «красных» фуражках. Человек двадцать лейтенантов самого разного калибра живописно расположились прямо на траве под сосной вокруг весело щебетавшей кругленькой девчонки. Я подошел к ним и поздоровался. Разговор прекратился, и все радушно усталились на меня. Через пару минут я уже знал, что группа лейтенантов ленинградского института физкультуры имени загадочного Лесгафта, так же, как и я, приехала получать свое назначение в Улан-Удэ. Разнообразие фигур и нестроевой вид парней объяснялся просто – они были профессиональными спортсменами, и независимо от комплекции обладали могучими телами атлетов. Ленинградский гражданский институт физической культуры поставлял в Советскую Армию военных физруков, полковых *начальников физической культуры и спорта*, с которыми знакомы все, кто когда-нибудь служил в армии.

Юная кругленькая дама в легком летнем платье, молодая жена коренастого смешливого лейтенанта, нахмурила лобик, сделала серьезную гримаску, от чего стала еще смешнее, и, дождавшись тишины, тонким голосом спросила откуда я приехал. Мой ответ произвел неожиданный эффект. Простодушные спортсмены в жизни никогда не слышали про Военный Институт ВИМО и смотрели на меня, как на явление абсолютно инопланетное. Для большего впечатления я добавил, что изучал китайский язык, после чего питерские физкультурники совсем приуныли. Очевидно, «заоблачные» знания московского лейтенанта напомнили им о предстоящей службе в войсках.

Улан-Удэ. По материалам Интернета.

Томление внутри управление кадров Дальневосточной Ставки больше всего походило на военное учебное заведение в период экзаменационной сессии. Высокие двери кабинетов открывались, и офицеры-кадровики громко объявляли фамилию. Из гудящей толпы вдоль стен выделялся очередной лейтенант, который, привычно гаркнув «Я!», машинально одергивал новый, необмятый офицерский китель, солдатским движением поправлял пряжку желтого парадного ремня и смело отправлялся за дверь для беседы, которая вполне равнялась важному выпускному экзамену. Вернувшегося из-за двери дружно встречали вопросами «Ну, что!? Куда!? Где!?!», на что вновь назначенный небрежно отвечал своим друзьям что-то нарочито оптимистичное о городах и весях, типа загадочных «*могочи, магдагачи*», о которых бедный лейтенант никогда даже не слышал. Повсюду были слышны подбадривающие возгласы, смех и легкий, незлобивый матерок – привычная смесь простоватого курсантского общения.

Выглянувший подполковник произнес мою фамилию правильно, что, почему-то, наполнило меня оптимизмом. Я решительно шагнул в большую, светлую комнату, где по трем сторонам стояли тяжелые конторские столы, заваленные какими-то папками. Любой входящий сразу чувствовал себя неуверенным студентом под перекрестным «обстрелом» вопросов с трех сторон. За столами сидели бравые подполковники, по лицам которых нетрудно было угадать, что вершение судеб вчерашних выпускников доставляло им истинное удовольствие. Кадровик слева внимательно рассматривал мою повседневную зеленую рубашку, но промолчал, видимо поняв по моему лицу, что к этому вопросу я подготовился хорошо. Дело в том, что нас в институте очень хорошо

проинструктировали, что *парадка* по уставу одевается только для представления командиру полка на месте несения службы, и устраивать «карнавал» для штабных кадровиков совершенно не нужно.

-Ну, и откуда-же у нас такой лейтенант?, - весело спросили слева. Я представился, и тот же подполковник так же весело бросил: «Петрович! Это твой. Уже поехали!», перебрасывая меня к правому столу. Моложавый, здоровый офицер молча махнул мне на стул перед баррикадой кадровых папок, как-то странно посмотрел на меня, и неожиданно предложил мне выбор военного округа, как первому лейтенанту из ВИМО в этом сезоне.

- Ну, лейтенант! ЗабВО или ДальВО!

- ДальВО! - не задумываясь ответил я.

- Ха-ха-ха! Соображает! – весело захохотал кадровик слева.

Надо ли говорить, что для нас, молодых офицеров, первое назначение было крайне важно, и военные округа предстоящей службы определяли все последующие годы служения *«царю и отечеству»*. О Забайкальском военном округе, зоне дикой, холодной Сибири, я слышал только плохое, в то время, как Дальневосточный военный округ, в котором я имел честь побывать в 1979 году, был не так уж и плох. Подполковник полистал какие-то бумаги, быстро поднялся и попросил подождать. Вернулся он быстро, неся в руках тонкую папку. Он снова оценивающе посмотрел на меня сверху вниз и поинтересовался моим здоровьем.

- Лейтенант, у меня есть место службы для тебя, – шутливо торжественным тоном произнес кадровик.

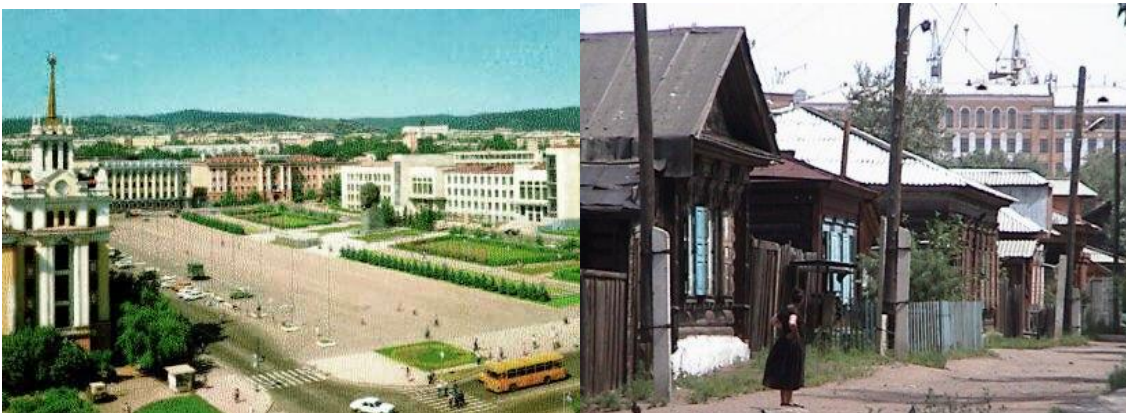
- Именно для меня? – в тон ему ответил я.

- Именно для тебя. С парашютом прыгать не побоишься?

- Нет! – решительно ответил я, однако, страха я действительно не испытывал.

- Ну, тогда поедешь в Уссурийск, в бригаду!..

«Бригада», «парашютные прыжки» сразу отошли на второй план, когда я услышал почти родное – *Уссурийск*, место давно знакомое и совсем не пугающее своей неизвестностью. Я воспрянул духом, и через пару минут со счастливой рожей и воинским предписанием в руке я вышел в коридор и на вопрос совсем незнакомых пацанов-лейтенантов гордо бросил: «ДальВО, Уссурийск!». На меня посмотрели с завистью, как на экзаменационного отличника, вытащившего счастливый билет, и под одобряющие «ДальВО... повезло... город...» я отправился к своим спортсменам во двор, у которых я бросил свои вещи.

Улан-Удэ. 1980-е годы. По материалам Интернета.

Оказалось, что за последние часы лейтенанты-физкультурники уже побывали в кадровых кабинетах, однако ясности это не прибавило: все, за исключением одного, были оставлены в распоряжении Ставки для последующего распределения.

- Ну, вот, вы и поедете вместе, - решительно заявила кругленькая лейтенантская жена, мнение которой, очевидно, никем не обсуждалось. Из группы спортсменов шагнул высокий парень с фигурой гимнаста и лицом голливудского актера-простака из классического вестерна. «Алексей!», парень протянул широкую, сильную руку атлета, и мы познакомились. Лейтенантша удовлетворенно кивнула головой, и в этот момент была очень похожа на добрую хозяйку, раздававшую многочисленных котят «в хорошие руки». С Алексеем нам было по пути до Хабаровска, откуда мне предстоял знакомый путь в Уссурийск, а спортсмен оставался в распоряжении кадровиков Дальневосточного округа. Дело было сделано, ленинградцы тепло распрощались, мы с моим новым знакомым подхватили свой багаж и направились в центр города Улан-Удэ, откуда на следующее утро нам предстояло отправиться на поезде на восток, в сторону Тихого океана.

Улан-Удэ. 2000-е годы. По материалам Интернета.

Центральная гостиница столицы Бурятского АО выглядела убого. Стандартная кирпичная «хрущевка» в центре Улан-Удэ, не радовавшая глаз дизайном, была полна, и массивная табличка «МЕСТ НЕТ» на стойке регистрации выглядела незаменимым предметом мебели. Весь холл первого этажа было плотно заполнен молодым лейтенантским пополнением, которые безнадежно толпились вокруг сваленного горой багажа. Среди узлов были видны лейтенантские жены, и, что окончательно убило всякую надежду на свободный номер, в холле гулко раздавался плач неприкаянных младенцев... Мы с Алексеем безнадежно посмотрели друг на друга, и мне в голову пришла отчаянная идея.

Через полчаса, пристроив свои вещи, мы направились в гостиничный ресторан, расположенный с другого входа гостиницы. Неприятательное убранство зала вполне соответствовало провинциальным стандартам общепита, однако, оно вполне устраивало местных посетителей. Наступил вечер, и через какое-то время зал был полон, с эстрады неслись популярные мелодии в исполнении местного ВИА, и подгулявшие офицеры местного гарнизона лихо отплясывали на пятачке под Антонова и «семь-сорок». Праздновать нам было нечего, я ощущал зверский голод, но для осуществления своего плана я заказал графинчик водки.

Графинчик – вещь в советском ресторане весьма хитрая. Никому еще не удавалось получить свои честно заказанные 500 граммов, и любой водочный «графинчик» был неким ресторанным пижонством, негласной формой чайных обслуживающему официанту. Расчет был точным, и вскоре худая, крашенная официантка, женщина классической ресторанной внешности и мимики, резво подскочила к нам поинтересоваться «все ли у ребят в порядке». «Порядка» у нас не было: я медленно положил вилку на стол, внимательно посмотрел на даму и решительно выдал:

- Нам жить негде!

Алексей от неожиданности чуть не поперхнулся антрекотом, тоже положил вилку на стол, перестал жевать и уморительно-трогательно посмотрел на официантку. Дежурная улыбка сползла с лица женщины, и не отрываясь смотря на могучего спортсмена, она коротко спросила:

- На сколько?

- Завтра уезжаем, - ответил я, на что официантка снова прожгла могучего Алексея взглядом и пообещала *узнать*.

Узнавать было совсем недалеко: через дверь в холл гостиницы у дежурного администратора за вдохновляющей надписью «МЕСТ НЕТ». Через пару минут наша официантка вернулась и выдала вердикт – все нормально, но нам это будет стоить бутылку коньяку. Я невольно вспомнил свои веселые *коньячные*

приключения в Ташкенте в славном 1979 году, (параллель напрашивалась сама собой), и с серьезным видом бросил:

- Сколько?

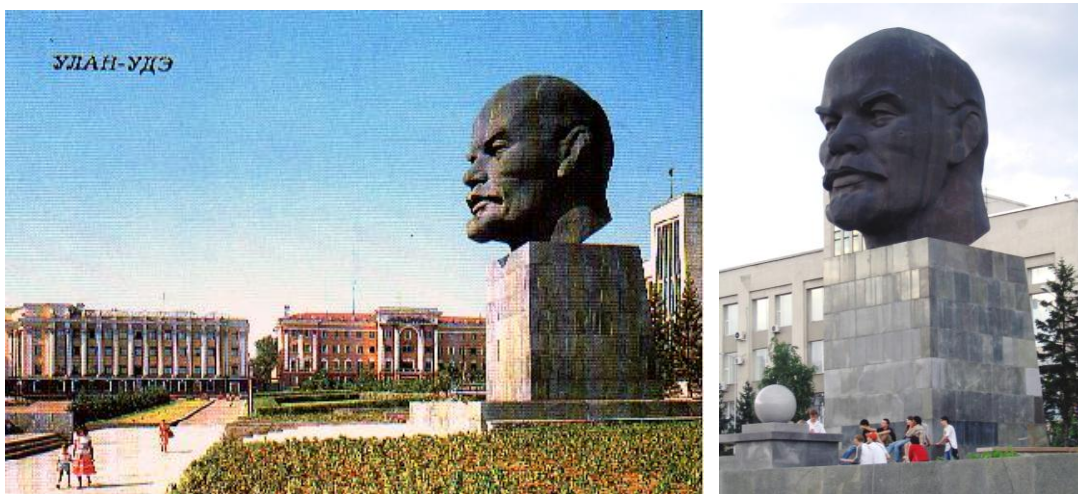
- Двадцать пять, - сурово произнесла дама, и я молча отдал деньги.

Официантка профессиональным жестом сунула деньги в передник и сказала обратиться к дежурному администратору, *которая все знает*. Когда наша спасительница удалилась я посмотрел на Алексея, который все это время ошеломленно наблюдал за нами. Спортсмен с уважением посмотрел на меня сверху и молча налил по рюмкам, ибо праздновать нам уже было что...

Постыдная процедура *блатного* заселения на виду у бездомных семейных лейтенантов, к счастью, прошла быстро. Многие из них уже расположились спать на полу и потеряли всякий интерес к окружающим. Дородная администраторша, не сводя томного взгляда с рослого Алексея, молча оформила бумажки и с явным сожалением вернула моему приятелю новенькое офицерское удостоверение личности, демонстративно пролистав пустые странички без штампов ЗАГСа. Жест был настолько явным, что я покосился на приятеля, но по его простодушно-детскому лицу я понял, что намек не сработал. Проскочив вверх в чистый гостиничный номер советского стандарта, мы бросили вещи и отправились покорять город, который привлекательно сверкал вечерними огнями.

В городе Улан-Удэ есть своя достопримечательность, до сих пор веселящая многих иностранных туристов. Любопытный читатель, обратившись к Интернету, наверняка найдет многочисленные фотографии странного монумента – огромной головы В.И.Ленина, стоящей на постаменте на центральной площади города. По слухам, первоначально, в 1970-х годах, голова стояла затылком к зданию облкома КПСС, одного из центральных городских зданий. Кто-то из членов ЦК, посетивший Улан-Удэ, был неприятно поражен странным изваянием, неодобрительно назвав его «Черномором». Сигнал был понят правильно, и голова в скорости была посажена на высокий пьедестал, что немного улучшило картину.

Улан-Удэ. 1980-е и 2000-е годы. По материалам Интернета.

Центральная часть города, как и в многих провинциальных городах, была чистой и светлой, в отличие от сплошь деревянных, плохо освещенных окраин. Полетному наряженная публика прогуливалась по обширной центральной площади и близлежащим районам. В глаза бросался национальный колорит: молодежь в основном состояла из представителей коренной национальности – бурятов, с характерными азиатскими лицами. Общение между ними было странноватым, и вскоре мы стали невольными свидетелями неприятной сцены, подпортившей наше радужное настроение.

На окраине городского парка мы заметили, что две молоденькие девчонки-бурятки забились в телефонную будку, в полумраке которой засветились огоньки сигарет. Подобная скрытность выглядела смешно, и мы почти прошли мимо, как к будке подскочили трое молодых бурятов, которые выволокли девчонок из будки и стали бить их по лицу. Все произошло быстро, и пока мы открыли рот, девчонки вырвались и изо всех сил побежали в темноту парка, молча преследуемые парнями. Не сговариваясь, мы с Алексеем рванули в ту же сторону, но быстро остановились, оказавшись в полной темноте незнакомого парка с непредсказуемыми последствиями для двух незадачливых лейтенантов. Звуков борьбы или криков о помощи слышно не было, и нам оставалось только вернуться на свет, матеря сталинскую политику «дружбы народов» и местные своеобразные традиции.

Праздника не получилось, и мы уныло отправились в сторону гостиницы, когда мимо нас деловым шагом проследовали две женские фигуры. Русские девушки деловито шагали куда-то по слабоосвещенной узкой улице, однако, им хватило времени ответить нам на безобидную шутку. Мы посмотрели с Алексеем друг на друга, и, не сговариваясь, прибавили хода вслед за изящными фигурами в легких, летних платьях.

Через пять минут обычного молодежного трепа девчонки резко остановились под фонарем, давая возможность рассмотреть себя, а смотреть там было на что! Неожиданно мы были весьма церемонно приглашены в гости к девушкам домой. Такого оборота мы никак не ожидали и естественно дружно согласились – кто же откажется!

Улан-Удэ. 1980-е годы. По материалам Интернета.

Улан-Удэ. 2000-е годы. По материалам Интернета.

Любознательным читателям спешу сообщить, что наше знакомство с образом жизни женского общежития в столице счастливой советской Бурятии не имел продолжения. Наши новые знакомые, молодые выпускницы уральских педагогических вузов, распределенные в Улан-Удэ, проживали в трехкомнатной «хрущевке» на окраине вместе с такими же молодыми специалистами. Квартира была пуста, как, впрочем, и холодильник юных педагогов, и наш романтический визит превратился в скучный визит вежливости, когда хозяйки без всякой видимой причине потухли и потеряли интерес. Самым сильным впечатлением неудачного randevu была короткая ночь, вынужденно проведенная на узкой, неудобной кровати, которую мы по-братски разделили с Алексеем...

Лирического прощания не было, когда рано утром мы, стараясь не шуметь, направились в сторону выхода. В проеме двери показалось два встрепанных, сонных существа в длинных до пола одинаковых спальных рубашках. При всем желании узнать веселых, кокетливых девушек в заспанных, обиженных подростках было невозможно, и мы смущенно пробормотав что-то на прощание, ринулись по заплыванной лестнице вон из злополучной пятиэтажки.

«Блин! У нас ведь гостиница была заказана!», с досадой подумал я, вспомнив свои потерянные 25 рублей из первого лейтенантского жалования.